

С. Лесной

Слово о полку Игореве

Книга 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
Л50

Л50 **Лесной С.**
Слово о полку Игореве: Книга 2 / С. Лесной – М.: Книга по Требованию, 2013. –
132 с.

ISBN 978-5-8850-7349-3

ISBN 978-5-8850-7349-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Второй выпуск нашего исследования, сданный в типографию одновременно с первым, выходит с огромным запозданием, вызванным техническими трудностями при печатании первого. Когда последние были преодолены, недостаток времени заставил выпустить первый выпуск далеко не в той безупречной форме, как этого желал автор.

Здесь не место об'яснять, каковы были трудности; на деле оказывается, что содержание второго выпуска по крайней мере на год устарело. За это время было опубликовано кое-что новое, ушел вперед и сам автор. В силу этого некоторые, правда немногочисленные, места нуждаются в переработке.

Обстоятельства переживаемого времени не позволяют сделать этого, поэтому автор предпочел не изменять первоначального текста, а дать краткие дополнительные замечания к тем местам, которые требуют переработки.

Различные причины заставляют торопиться, ибо впереди еще много выпусков, по крайней мере еще восемь, в этих условиях приходится жертвовать может быть и ценными деталями в пользу цельности всего большого плана.

Автор, однако, надеется, печатая исследование выпусками, дополнять пропущенное и исправлять ошибки в каждом из последующих выпусков, в равной мере он рассчитывает включить все, новое, что будет появляться к тому времени.

Следующий выпуск, посвященный комментариям к „Слову“, готов и будет сдан в печать по отпечатании данного выпуска.

1. В ЧЕМ ПРИЧИНА НЕИССЯКАЕМОГО ИНТЕРЕСА К «СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»?

«Слово о полку Игореве» было написано приблизительно 765 лет тому назад. Неужели недостаточно времени, чтобы потускнеть этому произведению, покрыться патиной времени, перейти в сухие, бездушные учебники древней словесности и отложиться где-то там, почти в подсознании, в том, что зовут «багажом культурного человека»?

Нет — поток переводов, исследований о «Слове» не ослабевает, а усиливается, литература о «Слове» на языках всех народов растет безостановочно.

Странна и трагична судьба этого замечательного произведения. Созданное в конце XII века, имевшее несомненно громадный успех, породившее множество подражаний, оно было в конце концов забыто народом. Но оно сохранялось веками, неведомое никому, где-то в темных кельях монастырей, как огонек под пеплом. Скрывалось под грудями праха, созданного аскетами христианства, извратившими светлого, радостного бога христиан в грозную, сухую, карающую силу, и истребившими почти все светское, что оставила нам блестящая эпоха нашей родины X-XII веков.

В мрачные годы русского средневековья, что совпало с эпохой татарского нашествия, культура Руси оторвалась от культуры Запада, с которой она шла в X-XI веках плечом к плечу. Только через 350 лет она снова слилась с западной культурой, опередившей ее за это время, и вновь стала обще-европейской.

И вот, когда в 1795 году, т. е. более 150 лет тому назад, «Слово» было найдено и затем в 1800 г. обнародовано, — оно было воспринято, как нечто совсем новое и идущее совершенно вразрез с духовными памятниками XII века, дошедшими до нас. Была открыта светская литература XII века огромной ценности.

Успех «Слова» после его обнародования был необыкновенный и, хотя рукопись вскоре погибла в пламени пожара во время нашествия французов на Москву, этот огонек, тлевший столетиями, разгорелся и продолжает гореть ярким, неугасимым более пламенем.

Неужели же, спросит рядовой культурный читатель, мало 150 лет, чтобы разобрать, изучить и понять «Слово»? Откуда этот волнующий интерес, почти энтузиазм, эта необыкновен-

ная любовь, объединяющая всех исследователей «Слова»? В чем, в самом деле, секрет успеха, обаяния «Слова»?

«Слово о полку Игореве» является несравненным памятником древней русской письменности, занимающим по красоте, глубине и разнообразию содержания совершенно исключительное и обособленное положение среди прочих памятников письменности соответствующей эпохи.

«Одиноким вершиной возвышается оно, по удачному выражению Пушкина, в пустыне древней русской словесности». Все в нем пленительно и загадочно с какой стороны к нему не подойти, всюду интригующие неясности, темные места и загадки. И это после того, как исписаны тысячи страниц на языках чуть-ли не всех народов!

Дошло-ли до нас «Слово» полностью, или это только обрывки большой поэмы, сохраненные человеческой памятью только в отношении похода Игоря и записанные уже в неполном виде значительно позже? Или, может быть, «Слово» всегда существовало, как самостоятельное произведение?

Уцелел-ли первоначальный распорядок частей «Слова», или он изменен в процессе многократного переписывания voluntarily или невольно? Дошел-ли до нас текст в чистоте, полностью, или имеются пропуски, или вставки и изменения переписчиков и вместе с тем слишком рьяных почитателей и комментаторов?

На каком, собственно говоря, языке было написано «Слово»? и не имеем-ли мы дело, так сказать, уже с «переводом» на «язык» впервые записавшего «Слово»? Или, может быть, «Слово» было передано не изустно, а переписывалось с оригинала и переписчики только несколько изменили орфографию «Слова» и оно в общем дошло до нас без особых искажений языка?

Что в «Слове» исторически верно, а что является поэтическим домыслом или даже ошибкой автора? Когда и где оно было написано?

Кто автор «Слова»? Известная-ли истинная личность, обладавшая огромным талантом, имя которой до нас почему-то не дошло? Или «Слово» является скорее результатом коллективного народного творчества, при котором основное, индивидуальное ядро творения уже потребено под добавлениями и исправлениями продолжателей?

Если это одиночная личность, — то кто это? Певец-ли, сказитель при князьях, собравший все сведения о походе из первых уст и претворивший все в единую, цельную картину? Не правы-ли те, кто считают, что это был знаменитый талицкий поэт Митуса, упоминаемый в летописи?

А, может быть, это был какой-то образованный дружинник, участник похода, например, сын тысяцкого, также упоминаемый в истории и записавший свои яркие переживания в по-

де? За долгие месяцы плена не раз, возможно, он задумывался над причинами поражения и он выразил свои мысли и чувства, как патриота, в этой песне.

Может быть, это был, как думают некоторые, воевода Беловод Просович, спасшийся бегством с поля битвы? Или кто-нибудь другой, скажем, воспитатель молодых князей, хранитель княжеских традиций, глубокий патриот, болевший душой о судьбах своей родины?

Наконец, не является ли автором сам князь Игорь, несомненно много и тяжело размышлявший в плену о своем походе и всех сопутствующих обстоятельствах, как это было сказано сравнительно недавно?

Разве не в его уста влагает Ипатьевская летопись следующие слова его скорби:

«Все сметено пленом и скорбью, тогда бывшею; живнии мертвым завидять, а мертвии радовахуся. Не достоин я жизни! Где ныне возлюбленный мой брат? Где ныне брата моего сын? Где чадо рождения моего? Где бояре думающеи? Где мужи храборствующеи? Где ряд полчный? Где кони и оружия многоценная?»

Попутно, сами собой возникают вопросы: существовал ли легендарный певец Боян? Почему история не сохранила его имени?

Кто такой сугубо загадочный Троян, четыре раза упомянутый в «Слове»?

Какая река называлась в древности Каялой? Где-же собственно произошла битва: недалеко от устья Оскола, как думают одни, или у Дона, как думают другие, ссылаясь на «Слово», или, наконец, в глубине половецких степей, как полагал еще Карамзин?

Почему, и в какой логической связи упоминается «Тмутороканский болван»? Как мог поклоняться князь Игорь иконе Богородицы Пирогошей в 1186 г., когда она еще в 1155 г. была перевезена из Киева во Владимир?

Эти и десятки подобных вопросов смущают мысль исследователя и читаателя и повергают их в растерянность. Мы часто видим наше почти полное бессилие перед этим, притягивающим к себе с неотразимой силой сфинксом.

Неудивительно, что некоторые разрубая одним ударом этот Гордиев узел, — они усматривают в «Слове» позднейшую подделку под дух давно ушедшей эпохи, — гипотеза людей после многих бесплодных усилий павших духом. Видным сторонником гипотезы фальсификации «Слова» является в настоящее время французский славист проф. Андрэ Мазон.

Авторы этой гипотезы не видят, что, отвергая подлинность «Слова», они становятся перед целым рядом гораздо более трудных и неразрешимых вопросов.

Кто был этот удивительный талант в конце XVIII столетия? Что заставило его скрыть свое имя? Почему он не написал ничего больше после столь шумного успеха? Как он мог скрыть свое авторство, ведь недостаточно было написать «Слово» в духе XII века, — надо было найти и переписчика, знакомого в совершенстве с древними почерками?

Мог-ли, никому неведомый автор, соединить в себе столько исторических, филологических и, как увидим ниже, естественно-исторических знаний, попутно с исчерпывающим знанием места действия, и быть еще таким замечательным поэтом? Такой гений не мог пройти незамеченным в эпоху Екатерины II-й.

Известно-ли, далее, в мировой литературе, чтобы подражание было неизмеримо выше оригинала? А ведь «Сказание о битве на Куликовом поле» или «Задонщина», принимаемые некоторыми за прообраз «Слова», по сравнению с последним сухи и мертвенны, казенны. Автор «Сказания» так же похож на автора «Слова», как манекен Пушкина на его живого.

Итак, попытка отмахнуться от загадок «Слова» — это не решение вопроса. В праве-ли мы становиться на этот путь? Конечно, нет!

Прежде всего «Слово» далеко еще не проанализировано во всех его деталях, со всех его сторон (ниже мы это увидим). Более того, если мы подведем итоги нашим знаниям о «Слове» за 150 лет, то должны будем с горечью сказать (если мы отнесемся к делу с подобающей строгостью), что «Слово» изучалось с огромными погрешностями, часто даже методологическими.

На исследованиях многих авторов, даже специалистов-филологов, лежит ютпечаток бессистемности, почас жалкого любительства. Какие только порой невероятные предположения не высказывались? Какие только несуразности не преподносились, как последнее слово истины! Просеять зерна ее от мешков плевел (дикий фантазии) теперь дело далеко нелеткое.

Чтобы отклонить упрек в полусловности, приведем теперь же только один яркий пример, другие будут рассмотрены впоследствии.

Уже давно профессор московской духовной академии Е. Е. Голубинский бросил следующий упрек автору «Слова» по поводу плача Ярославны:

«...тут вот какая странность: она лишилась не только мужа, но и сына, юноши в первой юности, и, однако, ее плач ограничивается только мужем, ни словом не касаясь сына, что совсем хороший поэт никак не забыл бы про мать и даже поставил бы ее впереди жены...»

Е. В. Барсов которому мы обязаны самой крупной трехтомной монографией о «Слове», без которой мы до сих пор

при исследовании и шагу ступить не можем, писал по этому поводу:

«Нельзя спрашивать, почему жена плачет о муже, забывая сына, так как одно горе подавляет другое: это обыкновенный психологический процесс».

Прежде, чем писать, приведенные отрывки, обоим почтенным исследователям следовало бы познакомиться с примечанием на первой странице «Слова» издания 1800 года и сделать соответствующие выводы. Оно гласит:

«Игорь Святославич родился 15 апреля 1151 года... женился в 1184 г. на княжне Евфросинии, дочери князя Ярослава Володимировича Галичского, а в 1201 году скончался, оставив после себя пять сыновей».

Следовательно, князь Игорь женился на Ярославне всего за год до похода, в походе же участвовал сын от первого его брака. Принимая это во внимание, совершенно ясным становится умолчание Ярославной в плаче пасынка, который, вероятно, был ее ровесником и вряд ли питал к ней особенно приязненные чувства (известно, что, как правило, пасынки не долюбивают мачех). Горе Ярославны естественно устремлялось только к мужу, с которым она вероятно не прожила и года, и с которым она была связана взаимной глубокой любовью.

Из «Истории» Татищева известно, что, когда Игорь бежал из плена, то конь его уже недалеко перед Новгород-Северским упал и повредил ногу Игоря. Один из крестьян, узнав Игоря, бросился бежать в город, чтобы известить княгиню.

Известие было столь неожиданно, что переполошило всех и все не знали верить ему или не верить. Княгиня не в состоянии была ожидать подтверждения известия и сама бросилась навстречу. Когда Игорь и Ярославна увидели друг друга, то бросились в объятия и были так глубоко взволнованы, что не могли сказать ни слова, а только плакали. Естественно, что и в этом случае княгиня не думала о пасынке.

По поводу критического замечания проф. Голубинского, позволительно сказать, что «совсем хороший» исследователь «Слова» должен его внимательно изучать, и не только читать примечания, но и понимать их, и тогда никаких подобных «странностей» в «Слове» он не встретит.

Естественно, что при таком подходе к изучению «Слова» особого прогресса не последовало, текст не только прояснялся, но и загромождался несообразностями комментаторов. Только последние десятилетия ознаменовались заметным успехом.

Эти успехи ясно показывают, что загадки «Слова» — не задачи, которые не имеют правильного решения, а задачи в умелых руках, получающие надлежащее решение.

Большинство ошибок в понимании «Слова» основывалось на главной общей ошибке: «Слово» понимали, как «героическую» песнь, т. е. как песнь о героях, в которой нечего дока-

пываться до соответствия с исторической действительностью, — все дело в красоте образов, в яркой передаче чувств на фоне родного патриотизма.

Исследование было перенесено исключительно в область поэтики, отчасти мистики, рассматривали «Слово» исключительно, как литературное произведение. Забыто было самое главное — обещание автора «Слова» петь «по былинам сего времени», т. е. воспеть действительность.

Вместо тщательного исследования исторических источников, восстанавливающих взаимоотношения действующих лиц «Слова» и т. д., ограничивались легкими ссылками на покаянную роспись русских князей, приложенную к изданию 1800 года, полную, кстати сказать, весьма существенных ошибок.

В результате оказалось, что автор «Слова» обращался с призывом встать на защиту родины к двум покойникам: к князю Роману Смоленскому и к князю Мстиславу, умершим в 1180 году, т. е. за 5 лет до похода! И никого это не юрбило!..

Далее, обращаясь к Роману, автор говорит: «Ты, буй Романе!» А Роман, надо сказать, как раз был совсем не «буй», а получил в истории название «Кроткого». Это был удивительно незлобивый и покорный человек: куда бы ни сказали ему перейти на княжение, — он беспрекословно переходил. И князя, и весь народ очень любили его, смерть его была оплакиваема буквально всеми.

В действительности же автор обращался к Роману Великому Галицкому († 1205 г.), прославившемуся своими победами над литвинами и половцами. Это он разгромил литовцев, взял огромное количество в плен и употреблял их в качестве рабочей силы при пахоте земли. О нем-то и сложена была поговорка: «Романе, Романе, худым живеши, — литвином юреш!» (т. е. литвином пашешь). Именно его именем пугали половцы своих непослушных детей.

Понятно, что такие подмены личностей совершенно искажают действительный смысл и ценность «Слова»; его полнокровность, жизненность исчезают, сменяясь худосочием и бледной туманностью. Историческую песнь превратили в фантастическую былинку.

Эти исторические несообразности в комментариях устранились только исподволь. Даже прекрасное издание «Слова» в 1934 г. (изд. Academia) не избавлено окончательно от этого недостатка.

Дело было не в трудности исследования, а в том, что исследователи стояли (а многие и до сих пор еще стоят) на неверной исходной точке зрения.

Они не представляют себе, насколько важно для правильного понимания «Слова» все точные исторические детали о лицах, местах и событиях. «Слово» — исторический документ, а не побасенка.

Еще в 1945 г. один из специалистов-исследователей, объясняя «темное место» ю тибели Изяслава («Дружину твою, княже, птицы крылы приюде, а звери кровь полизаша») вкладывает это обращение в уста Бояна, которого он сам считает певцом времени Ярослава. Но не мог же Боян жить 150 лет и петь!

Не заметили, что «Слово» это не фантастическая песнь вроде «Песни ю Роланде». Поэтика заслонила для них, может быть, основное, и уж, во всяком случае, очень важное значение «Слова», как исторического и политического произведения.

Отмахнувшись от «Слова», как от исторического источника, несмотря на уверение автора «Слова», что он будет петь правду, а не вымысел, комментаторы не придали, естественно, должного значения многим деталям похода и, либо обошли их молчанием, видя в них только игру фантазии, либо старались отыскать в них несуществующую мистику.

Между тем, как мы увидим ниже, многое в «Слове» имеет почти протокольный характер, это последовательная запись того, что было. Эти подробности дают совершенно иное освещение не только событиям, но и всему «Слову».

Перед современным исследователем помимо старых проблем встает еще новая проблема: переоценки ценностей. Все, до сих пор найденное, следует рассматривать под иным углом зрения. В свете иных исходных точек зрения иными оказываются и старые, и новые загадки «Слова» и появляется надежда разгадать их.

Дело сводится теперь не только к тому, чтобы понять «Слово», как литературное произведение и в целом, и в деталях, а в том, чтобы воспринять его, как яркое жизненное произведение, всесторонне отражающее XII век нашей родины.

Для этого нужно изучить язык того времени, ибо без этого нельзя расшифровать смысл многих слов и выражений. Изучение языка заставляет нас затронуть интереснейший вопрос о происхождении и взаимоотношениях русского, украинского и белорусского языков, отметить проделанную ими с XII века эволюцию и дальнейшую тенденцию развития. А это очень и очень нелегко.

Далее, восстановить смысл слов, фраз — это еще не значит понять весь контекст. Фраза может быть кристально ясна, но смысл ее в связи с другими фразами совершенно темен.

Для понимания нужно знание жизни, обычаев, даже жизненных мелочей той эпохи, надо знать верования, надо быть знакомым с образами и представлениями того времени, с поэтикой литературных и народных произведений и т. д.

Надо также знать и понимать экономические, политические и иные взаимоотношения различных слоев населения в

XII веке, словом, надо, как рыба в воде, плавать среди фактов этой эпохи.

Но этого нет. Поэтому-то 150 лет и не хватило, чтобы понять как следует «Слово». Его можно понять, только изучая всесторонне.

В данном случае мы подошли к нему с методом изучения и навыками натуралиста. Поэтические образы «Слова», большей частью почерпнутые из сравнений с природой, были общим языком между нами и автором «Слова». Эти образы предстают в нашем освещении в совершенно ином, но еще более глубоком и изумительном свете. Методы мышления натуралиста позволяют осветить очень часто по-иному все то, что найдено в «Слове» представителями гуманитарных наук. И это освещение является более верным; ибо автор «Слова», как будет доказано ниже, был отличным знатоком природы, ютчего натуралист понимает его с полслова, тогда как гуманитарист либо вовсе не понимает его, либо понимает превратно.

Вот эта-то обширность задач, необычайное разнообразие содержания, поразительная художественность, обилие темных мест и загадок и вызывают у многих исследователей часто почти чувства азарта при раскрытии малых и больших тайн «Слова» и составляют его, почти неисчерпаемую прелесть.

Родятся десятки догадок и предположений, фантазия имеет перед собой огромное поле деятельности, фантазия творческая, реальная, ибо каждая из этих догадок должна быть проверена перекрестным огнем холодных исторических, филологических и т. д. фактов и железной логики.

Шаг за шагом, с большим трудом, дополняя, поправляя и поддерживая друг друга, мы, наконец, приблизимся к истинному пониманию «Слова». Но знать и понять «Слово» — это значит знать и понимать наш XII век, — задача огромная и трудная, но благодарная, ибо «Слово» показывает каких высот достигла тогда культура Киевской Руси.

Многое уже сделано, но немало еще остается сделать и это, еще недостиженное, манит исследователя, как блуждающий огонек, — вот в этом-то и секрет обаяния «Слова».

Эти строки были уже давно написаны, как в газетах появилась, взбудоражившая всех любителей «Слова», статья, сообщающая некоторые сведения о **втором** оригинальном списке «Слова», обнаруженном уже в 1923 году.

Ввиду интереса, приводим эту статью полностью («Русские Новости», 1948, Париж, № 186, стр. 5: «Поход за рукописями (Новое о «Слове о полку Игореве»», подпись: А. Л-ский).

«Журнал «Вопросы истории» в свое время напечатал призыв ак. Тихомирова о необходимости организовать сбор древ-